

Op 84

M 74

A-396524

Вячеслав Моисеев

ИВАН МАРТЕНС

Op84
M74

Op84

Вячеслав Моисеев

84(2=411.2)6-4

ИВАН МАРТЕНС

Повесть
в двенадцати картинах
с эпилогом

А-39652Н

Мобильное издание
также имеется в рукописи
коп от автора
в день поступления
тиража - с добротой
и широтой.

19.09.2022

Оренбург
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»
2022

*Посвящаю
моей маме Вере Борисовне,
памяти моего отца
Геннадия Алексеевича
и всем жителям нашей
оренбургской
маленькой Германии*

*Совпадения
с действительностью
в этой повести возможны,
но случайны.*

1.

Мама всё не шла и не шла. Ваня построил высокий домик из кубиков, на чьих гранях почти стерлись и Красная Шапочка, и Колобок, и Маша с медведем. Он смахнул домик, никому не интересную Вавилонскую башню, и вспомнил, что по-прежнему один.

Мама не шла. Их белёная саманка возле сельской школы делилась двумя семьями. Но и у соседей за стеной сейчас стояла пустая тишина.

«Где мама?» – мальчик заглядывал в окна, выходящие во двор и на дорогу, смотрел в одну, в другую сторону, прижимаясь висками к холодному стеклу. За окном не было никого. Изредка по единственной пыльной улице деревни с надсадным воем проезжал грузовик или проносился тарахтящий «газик».

«Может, это папа едет?» – замирал мальчик, услышав звук мотора. Но фары уносили свет прочь от дома, в котором ждал малыш. И он говорил себе, что папа, наверное, поехал в райцентр за запчастями или ремонтирует свой трактор на машинном дворе.

Он решил полистать книжки. «Чук и Гек» – тут картинок почти нет, эту книгу интересно слушать, а не рассматривать. Сядешь на кровать, подложив подушку под спину, и слушаешь маму, а она читает, как братья Чук и Гек ехали к своему папе на поезде. Интересно, как это?.. Малыш задумался, воображая себе длинные вагоны, выстукивающие колесами: «Чук-Чук и Гек, Чук-Чук и Гек». Он никогда еще не ездил на поезде...

А мама всё не шла! За окном темно. Вот уже только изредка хлестали с дороги по окнам фары. Душа мальчика замирала и гасла. Нет, это не папа, у него трактор. А мама где же? Почему не идет? Он сидел на белом подоконнике и плакал, хотя мама и папа запретили ему плакать. «Мы идем на работу, – строго сказали они, – оставайся дома и не плачь. У тебя игрушки есть, с тобой котята...»

Тут-то котята и появились. Один белый, другой дымчатый. Они услышали, как мальчик плачет, и пришли к нему.

Он сидел на подоконнике, ногами на деревянной табуреточке, и тихо скулил: «Мама! Ну где ты, мама?». Котята встали на задние лапы, положили передние на табуретку и принялись мяукать. Это были уже не маленькие котятки, им исполнилось месяца по три. Мальчик понял, что они хотят пожалеть его, и стал их гладить. Котята замурлыкали. Ване вдруг стало ясно, что котьятам еще хуже, чем ему. Его-то мама всё равно придет, а где мама котят, они совсем не знают и никогда к ней не вернутся.

- Мои маленькие, - малыш подхватил котят под передние лапы и прижал к себе. Больше он не плакал, он только гладил теплых котят.

Стемнело. В окне Ваня теперь видел лишь свое отражение. Мама не шла, папа не ехал. Мальчик с ужасом подумал, что они, может быть, поехали вместе в какую-нибудь соседнюю деревню и попали в аварию. Он точно не знал, что такое авария, но догадывался, что это очень страшно. Он представил, как бабушка говорит ему: «Ваня, папа с мамой попали в аварию». Ему стало совсем плохо, он почувствовал себя брошенным и одиноким и чуть было не заплакал снова. Но с ним были котята, и плакать он уже не мог, он должен был утешать их, ведь они же утешали его...

Вдруг он услышал щелчок ключа в замке и через две секунды – скрип открываемой двери. Мама!

Мама накормила его вареным яичком, налила чаю, намазала хлеб маслом, а сверху положила густого смородинового варенья. Ничего в жизни он не ел вкуснее.

– Я была на дежурстве, – говорила мама, наливая малышу в эмалированную кружечку еще чаю, – а потом пошла к Яковлевым – делать Валентине Ивановне укол...

Мальчик знал, что за уколы Яковлевы дают им молоко, на котором ему по утрам варят кашу.

– А ты считаешь мне про Чука и Гека? – спросил Ваня, засыпая над чаем.

– Завтра я не дежурю и обязательно прочитаю.

Он лежал в своей пружинной кровати. Мама склонилась над ним. Он обнял ее за шею, вдохнул родной аромат и сказал:

– Мама пахнет мамой.

Это был их пароль. Это были их тайные слова любви.

Мальчик засыпал. Для его трех лет переживаний на сегодня было достаточно. Он был счастлив: мама рядом, всё хорошо... И вдруг он сел в кроватке:

– Мама, я плакал, а котята меня жалели. Налей им молочка.

И упал на подушку, утих, уснул, засопел, объятый покоем и любовью.

2.

Июнь. Лето разгоралось, солнце уже не просто пригревало степные травы, огородные всходы за деревенскими саманками и чахлый садик при школе — оно обволакивало теплом всё село вместе с мальчишками, носившимися по двору.

Двор казался огромным, от дома к дому можно было бежать, наверное, полдня. А середину двора обозначал колодец — под двухскатной крышей, с воротом, с цепью, прикованной к длинной колоде. В этом колодце глубоко-глубоко, там, куда и заглянуть боязно, но всё равно тянет, тянет неудержимо, — там кусочек синего неба подрагивает в ледяной, аж зубы ломит, черной воде.

Мальчишки, а было их шестеро, и среди них четырехлетний Ваня, бегали по двору, придумав на этот раз какую-то путешественную игру. Они воображали себя великими исследователями, пробирающимися через бесконечные долины и пустыни во главе со старшим, ради такого случая заправившим рубашонку в штаны. А еще он, предводитель, держал в руке короткий жезл — подобранный на

машинном дворе острый железный костыль.

И, конечно, путникам должны были попадаться чудовища. Змей Горыныч, например. Но змея в деревне не было ни одного. К счастью ее жителей и к сожалению малышни, которой позарез нужны были достойные противники.

И тут один из великих путешественников услышал в траве у свинарника легкое шуршание.

- Тихо вы! - напряженно и придушенно осадил он остальных. - Вон она.

Ваня и не понял сначала, о чем это он. Но когда сразу двое пацанов кинулись животами на траву, прихлопывая зеленые ладонями, понял: это Змей Горыныч.

Конечно, маленькая степная ящерица, которую ловцы победительно подняли над головами, мало походила на сказочного трехглавого змея. Но в детской игре всё условно, всё преувеличено и почти всё допускается, что предлагают игроки. Вот и сейчас самый старший путешественник, лет которому было не больше семи, даже не предложил «а давайте...», он строго приказал:

- Карать ее.

И, держа распластанную на земле ящерицу за голову, без раздумий вонзил в нее свой закаленный костыль. Жезл то есть. Торжественно вздев пронзен-

ное чудовище в небо, старший крикнул «ура!» и помчался куда-то в еще не изведанные дали. Следом, подхватив победный клич, побежали остальные. Ваня, сперва оторопев, тоже метнулся было за ними.

Но тут из дома вышла мама и позвала обедать.

Фасолевый суп с куском хлеба, натертым по корочке чесноком, – это была любимая еда малыша.

– А мы сейчас, – работая ложкой, решил похвастаться Ваня, – ящерку поймали.

– И она от вас не убежала, хвост вам не оставила? – улыбаясь, спросила мама, хлопоча у печки.

– Нет. Петька ее на костыль насадил. Мама замерла на мгновение. Ваня продолжал поглощать суп, перемалывал зубами упругие фасолины. Мама молчала. Подозрительно долго не кончалось это молчание. Так долго, что он позвал:

– Мама...

– Что?

– Почему ты молчишь?

– Я думаю.

– Про что?

– Про то, что у этой ящерки тоже есть мама. И она, наверное, ждет ее дома. А ящерка к маме не вернется.

Фасоль застряла в горле, еле протолкнул ее Ваня, но и там, где-то дальше, она стала комом вместе с бесполезными словами: «Мама, а как же?.. Мама!».

Ваня вдруг всё понял. Ему стало ясно до боли, до ужаса, до холода в ногах, что теперь ничего нельзя поправить. Ничего.

Он мог бы заплакать. Всё к этому шло — еще чуть-чуть, и слезы полились бы по щекам. Но он, тихо положив ложку, просто ушел в другую комнату, сел на свою маленькую табуретку и сидел так очень-очень долго. Наверное, целых десять минут. Или пятнадцать. И мама почему-то не стала ругать его за недоеденный суп и не звала пить компот. Ему мерещилось, будто он оказался на самом дне темного колодца, а цепь, по которой можно было бы выбраться наверх, к синему небу, оборвалась и лежит рядом с ним в ледяной воде.

За окном юные исследователи и путешественники, превратившись в мушкетеров, дрались на палках, время от времени лупили друг друга по голым ногам, вскрикивая от боли: «Аррр!».

Но ему не хотелось к ним. Совсем не хотелось. Он понял, что никогда не сможет играть с ними так же весело и беззаботно, как раньше. Всё изменилось. Они все вместе

убили ящерку, и теперь он другой и они другие. Всё вокруг стало другим. И этого не поправить...

Когда Ваня вырос, из него не вышел ни охотник, ни даже рыболов. Ему и рыбу жалко было снимать с крючка, рвать ей рот или жабры острой сталью. Он всё чаще задавал себе вопрос: а зачем?

Зачем лишать жизни живое создание, если в этом нет никакой нужды? Вот если бы он или его близкие, его друзья помирали с голоду, тогда бы такая необходимость появилась. Наверное.

Но необходимость не появлялась, и свою последнюю рыбёшку - несчастного пескарика, почти малька, размером со степную ящерку - он поймал в девятнадцать лет. Осторожно освободил от крючка и отпустил в маленькую степную речку Гусиху, по которой плыло, чуть подрагивая на волнах, синее небо с белыми облаками.

3.

Печка белая-пребелая, теплая-претеплая, на плите сняты чугунная крышечка и два чугунных кольца. На огненной дыре, подставив днище пламени, стоит большущая черная эмалированная кастрюля, а в кастрюле варится компот.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26